

Необычные

фантастический роман
часть I

16+

Сергей Бичуцкий

Сергей Марксович Бичуцкий

Необычные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42747116

SelfPub; 2019

Аннотация

Человеческая мысль и фантазия кажутся беспредельными и иногда приводят к уверенности в том, что всё человеку подвластно. Именно это чувство толкает нас к совершению таких дел, о последствиях которых мы порой и не догадываемся. В этом романе я попытался заглянуть за грань того, чем мы сегодня боеем и что называем виртуальной реальностью.

Глава 1

Сесем не мог сказать, как оказался в городе великанов. Даже если бы его приняли за лазутчика и подвергли пыткам с целью узнать, кто он такой и что здесь делает, то вряд ли добились бы успеха. Он ничего не помнил. Воспоминания начинались с того момента, когда его кто-то сильно толкнул. Это и было началом жизни его памяти. Он не помнил, что было до этого. А может и не было ничего? Может и его самого не было??? Может и не было. Кто ж его знает? Не помнит он ничего!

Его воспоминания начинаются с того, как от сильнейшего толчка он упал в лужу, поспешно вскочил, желая отомстить обидчику, но от удивления замер, глядя в след удаляющемуся гиганту. Настоящий великан, не менее трёх метров в высоту, неспешно шагал, сгибаясь под тяжестью огромного мешка. Не поверив своим глазам, потряс головой, но ничего не изменилось – и великан, и пустынная, мощёная камнем широкая улица, и выстроившиеся в ряд огромные дома, всё осталось на своём месте. Поняв, что наказать обидчика не удастся, успокоился, с сожалением посмотрел на местами промокшую одежду, которая тут же на глазах стала сохнуть, и двинулся вслед за исполином. Стоять на месте не было смысла, а что делать и куда идти не знал, поэтому и пошёл в ту же сторону. Гигант удалялся настолько быстро, что Сесему пришлось не просто ускорить шаг, чтобы не отстать, а перейти на бег. Через какое-то время навстречу стали по-

падаться люди: и великаны, и такие же, как и он. Никто не обращал на юношу внимания, молча следуя по своим делам. Сесем с любопытством разглядывал встречающих, но тоже никого не останавливал. Просто не знал, что у них спросить и о чём говорить вообще, потому что, задай он вопросы: «Где я?», «Кто я такой?» или «Что я здесь делаю?», его бы, наверняка, приняли за сумасшедшего.

По мере продвижения усиливался шум, доносившийся спереди. Наконец, улица закончилась и Сесем вышел на огромную площадь, заполненную людьми, животными, которых он никогда в жизни не видел, и телегами с разнообразными диковинными товарами. Площадь была поделена на две незримые равные части, на одной из которых располагались торговцы-великаны со своими товарами, а на другой обычные люди, такие же, как и Сесем. Голоса людей, блеяние и мычание животных, крики домашней птицы – всё слилось в один оглушающий гвалт. Остановился в нерешительности, и окинул взглядом столпотворение. Поверхность площади была ниже поверхности улицы примерно на метр, и её можно было сравнить с амфитеатром, учитывая несколько ступенек для спуска, и то, что она представляла собой правильный круг, очерченный одинаковой высоты домами, которые разделяли семь сходящихся лучами к площади улиц. Прямо напротив той улицы, по которой пришёл Сесем, высился огромный дворец с широкой парадной лестницей и большими колоннами, подпирающими портик, ведущий к парадной

двери. По обе стороны двери стояли два облачённых в блестящие доспехи великана с копьями в руках. Остальные дома, окружающие площадь, были похожи друг на друга, как братья-близнецы. Вокруг площади по всему периметру стояли стражники-великаны с большими плетьюми в руках. На самой площади во всех её точках происходил отчаянный торг. Торговались все. И продавцы, и покупатели. Ничего особенного, на первый взгляд, в этой картине не было, кроме одного – обычные люди покупали у великанов, и наоборот. Сесем обратил внимание именно на эту особенность. Такого, чтобы великаны покупали у великанов, или обычные люди друг у друга, не было. Наблюдать за этим театральным действием можно было бесконечно: кто-то воздевал руки вверх, призывая небеса в свидетели; кто-то хватался за голову, поражаясь, видимо, абсурдности предложенной цены; кто-то намеренно громко гоготал и грозил указательным пальцем, давая понять, что хитроумный план раскрыт, и его не удастся одурачить. Торговались самозабвенно и яростно, получая при этом очевидное удовольствие, когда сделка заканчивалась, по мнению обеих сторон, успешно. Покупатель забирал приобретённый товар, выбирался из бурлящей толпы и удалялся по одной из улиц, но ему на смену из глубин города тут же приходил кто-то другой. Это бесконечное движение завораживало, и Сесем с неподдельным любопытством наблюдал за происходящим до тех пор, пока недалеко от него не раздались крики совсем не шуточной ссоры. Продавец-великан и

покупатель что-то не поделили, обвиняя друг друга в обмане и готовы были схватиться в драке, но в этот неистовый спор тут же вмешались два великана с плетью в руках. Они разом тронулись с места, подошли к спорщикам и, не разбирая, кто прав, а кто виноват, вытолкали обоих с площади и стояли до тех пор, пока оба несчастных не удалились. Убедившись, что драчуны ушли, вернулись на своё место. Сесем искренне удивился бесстрашию простого человека, поскольку великан был огромен и внешне несопоставимо более силен.

Прислонясь к стене дома, постоял ещё какое-то время, затем решился и двинулся в гущу бурлящей толпы. Зачем? Из природного любопытства. Хотелось поближе разглядеть товары, выставленные на продажу, послушать отчаянные споры, познакомиться с невиданными животными. Товары, в общем-то, были обычные: овощи, фрукты, зелень, разделанные туши животных и домашней птицы, мануфактура и обувь, глиняная разукрашенная посуда, женские украшения, боевое оружие и доспехи – покупай всё, что душа пожелает, если в твоём кошельке достаточно серебра и золота.

Сесем, до этого не обращавший на свою одежду никакого внимания, несмотря на падение в лужу, невольно заметил, что она мало чем отличается от одежды других людей. Может поэтому на него никто не обращал внимания? Обычный юноша. Ничего особенного. Серая рубашка-апах грубого сукна, такие же брюки, мягкие, скорее всего сафьяновые, сапоги и обязательный для всех кошель, висевший на кожа-

ном пояске, оттягивая его немного вниз. Прикоснувшись к нему рукой, потряс и, услышав звон монет, с уверенностью влился в бурлящий людской котёл. Единственное, что отличало Сесема от других, это матовый серебристый браслет на левой руке. Такого не было ни у кого.

Внешняя бесцеремонность, с которой люди в этом столпотворении относились друг к другу, всё-таки, имела какие-то границы. Бесконечно толкались, оттирали в очереди, отстраняли кого-то, мешавшего им пройти или рассмотреть брошенный в глаза товар, но никогда не трогали тех, кто реально вступал в торговый спор. Таких людской поток обходил стороной, стараясь не мешать, а иногда вокруг спорщиков собирались зеваки, если участники торговой баталии были достаточно искусны в своём деле. Как правило они делились на две группы, каждая из которых поддерживала либо продавца, либо покупателя, искренне радовались, наслаждаясь острому словцу или удачному аргументу, сопровождая свой восторг громким хохотом, бурными аплодисментами или вздохами разочарования. Сесем ненадолго задерживался рядом с таким временным театром, наблюдал и двигался дальше. Всё, что издали казалось незнакомым и фантастическим, на самом деле оказалось обыкновенными овощами и фруктами, сложенными причудливым образом. Сесем бесцельно шёл, проталкиваясь вперёд, пока не почувствовал запах жаренного мяса, неожиданно вызвавший чувство голода. Пройдя с полсотни метров, вышел на небольшое свобод-

ное пространство, образовавшееся вокруг чугуной жаровни, на которой ждали своих будущих хозяев с десятков каплунов. Хозяин размахивал небольшим опахалом, раздувая угли, и нахваливал ещё не готовую еду. Покупателей было немного и Сесем, остановившись, решил перекусить.

– Сколько стоят твои каплуны, хозяин? – спросил Сесем, хотя не сомневался, что денег на еду хватит.

– Почти даром, господин. Почти даром, – повторил продавец и сделал вид, что готов расплакаться. – Меня проклинает жена за мою доброту, господин, но я ничего не могу с собой поделать. Такой уж я уродился, несчастный Ахмет. Я отдавал бы этих нежнейших каплунов совсем даром, потому что сердце моё начинает разрываться при виде голодного человека. Да! Оно начинает разрываться от печали и сочувствия. Не веришь? Я бы так и поступал, клянусь хрустящим крылышком этого цыплёнка, если бы не жена. Я боюсь её, как человек боится гремучей змеи, потому что яд её упреков не знает противоядия, будь она проклята.

– Не проклинай твою добрейшую жену, Ахмет, – услышал Сесем голос за спиной. Обернувшись, увидел крепкого телосложения среднего роста молодого мужчину с небольшой бородкой.

– У него самые дорогие каплуны на всём торжище, – обратился он уже к Сесему.

– Почему же ты тогда пришёл к нему? – удивился Сесем.

– Потому что они самые вкусные, – без раздумья ответил

мужчина, и добавил:

– А ещё потому, что я удачно распродал весь свой товар, и могу себе позволить потратить немного денег на хорошую еду.

Не успел Сесем ответить, как кто-то бесцеремонно схватил мужчину за плечо и с силой отодвинул в сторону. Перед Сесемом вырос крупный рыжеволосый бугай с красной рожей и маленькими, заплывшими жиром глазами. Он намеревался отстранить и Сесема, но юноша, защищаясь, поднял руку. Бугай хотел поступить с Сесемом также, как и с мужчиной, но его огромная лапа каким-то образом прошла сквозь руку юноши. Не поверив своим глазам, попробовал сделать это опять, но результат был таким же. Глаза бугая стали наполняться неподдельным страхом и он, прохрипев: «Необычный!», спешно скрылся в толпе.

Молодой мужчина вновь занял своё место.

– Так ты необычный? – спросил он после короткого молчания.

– Я тебя не понимаю, – спокойно ответил Сесем, хотя происшествие взволновало его не меньше бугая.

– Можешь не отвечать, если не хочешь, – отреагировал мужчина.

– Меня зовут Дедал, – приглашая к более близкому знакомству продолжил он.

– А меня Сесем, – ответил юноша. – Но я действительно не знаю, почему я необычный, и что вообще это значит, –

признался он таким искренним тоном, что не поверить ему было невозможно.

– Наверное, ты – из новичков, – сказал Дедал. – Я много слышал о необычных, но ни разу с ними не сталкивался, а та жирная свинья, что сбежала отсюда, видно уже имела такой опыт.

– Что ты имеешь в виду?

– Необычные не причиняют вреда тем, кто их не трогает. В нашем мире только младенцам не известно, что было с теми, кто решился всё-таки на такое безрассудство. Рассказы об этом настолько удивительны и ужасны, что пытаться навредить им могут только совершенные безумцы.

– Ты думаешь, что я один из них? – повернувшись к торговцу, спросил Сесем.

– Похоже, что так и есть, – тут же ответил Дедал.

– А можно это как-то проверить? – спросил Сесем.

– Давай-ка сначала заберём каплунов, расплатимся с Ахметом, подумаем о ночлеге, а потом уж поговорим обо всём остальном, – предложил Дедал.

– Почему?

– Разговор может получиться долгим, а покупатели, уверяю тебя, не захотят ждать, когда мы выясним всё, что тебя интересует, да и каплуны превратятся в угли, – объяснил мужчина.

– Как ты мог такое подумать, мудрейший Дедал? – возведя руки к небу, воскликнул Ахмет. – Да мои каплуны скорее

снимутся с шампуров и улетят, но не станут превращаться в угли. Они не будут позорить своего доброго хозяина Ахмета, даже если ты посулишь вернуть им оперенье и свободу. Ни за что! Как такое только могло прийти тебе в голову?

– Я не хотел тебя обидеть, достопочтенный Ахмет. Кто не изведал нежнейшее мясо твоих каплунов, тот не знает, что такое настоящая еда, достойная королей, – с улыбкой ответил Дедал.

– Слова твои – бальзам для моего сердца, премудрый, но каплуны уже просятся на твоё блюдо. Они с нетерпением ждут, когда смогут подтвердить твою правоту, – сказал Ахмет, и стал перекладывать ароматные поджаристые тушки на большую чистую холстину, которую разложил на земле Дедал. Положив четыре штуки, вопросительно посмотрел на мужчину, и, увидев поднятый вверх большой палец, остановился.

– Сколько это стоит, Ахмет? – спросил молчавший до этого Сесем, и поспешно добавил, видя, что Дедал хочет расплатиться. – Я заплачу.

Достав большую золотую монету, протянул её Ахмету с вопросом:

– Этого хватит?

У торговца алчно загорелись глаза:

– Щедрость твоя, благороднейший Сесем, не знает границ, – подобострастно склонил голову Ахмет, принимая протянутую монету.

– Ахмет, Ахмет. Нет предела человеческой жадности, – раздался осуждающий голос Дедала. – Неужели ты не знаешь, что за эту монету можно купить весь твой дом с домо-чадцами, а ты берёшь её за четырёх каплунов?

– Знаю, мудрейший! Конечно, знаю! Но зачем необычному деньги? – задал неожиданный вопрос Ахмет, на который Дедал не нашёлся, что ответить. Поднял вверх брови, неопределённо хмыкнул и стал заворачивать каплунов в холстину.

Глава 2

– Пошли, – обратившись к Сесему, сказал Дедал, спрятав свёрток в большую дорожную сумку, висевшую на плече. Махнув головой в знак приглашения следовать за ним, повернулся и двинулся сквозь толпу. Сесем подчинился. По дороге купили несколько лепёшек и большую бутылку вина. Из толпы выбрались на ту же улицу, по которой Сесем пришёл.

– Надо заранее устроиться на ночлег, а не то к вечеру все места будут заняты и придётся ночевать под открытым небом, – сказал Дедал и повёл за собой нового товарища. Сесем безропотно следовал за Дедалом, безотчётно доверяя всему, что говорил его новый друг.

Через несколько кварталов улица стала совершенно пустынной. Казалось, что они идут по мёртвому городу.

– Почему здесь никого нет? – спросил Сесем.

– Все на торжище. Сегодня последний день, поэтому все

жители устремились туда, – объяснил Дедал.

– Не успели сегодня, пришли бы завтра, – не понял юноша.

– Завтра ничего не будет. Следующее торжище – только через год, – сказал Дедал, окончательно поняв, что перед ним действительно необычный. Новичок, но из необычных. Как иначе можно объяснить, что он не знает того, что знают все, от мала до велика?

– А ты знаешь, где находишься? – задал ещё один наводящий вопрос Дедал, и, увидев отрицательное покачивание головой, окончательно утвердился в своей догадке.

– Город, в котором мы сейчас находимся, носит название Модас. Это столица страны великанов. Мы, то есть, простые люди, и великаны воюем уже много столетий. Никто даже не помнит, из-за чего началась эта война, и никто не знает, как её остановить. Она стала частью нашей жизни. Как солнце на небе, как ветер или дождь. Мы убиваем друг друга, не понимая, зачем мы это делаем, и я ещё не встречал человека, который верил бы, что она когда-нибудь закончится. Вся наша жизнь подчиняется законам войны, но раз в году на семь дней наступает перемирие, по причине того, что мы умеем делать то, что не умеют делать великаны, и они нуждаются в этом, а великаны, в свою очередь, продают нам товары, которые не делают у нас. Мы договорились, что любой нарушивший условия перемирия, будь то великан или простой человек, будет казнён вне зависимости от того, кто прав, а кто

виноват. То есть, казнены будут оба, так что ничего другого, кроме как терпеть и не давать волю своему гневу в течение всей этой недели, не остаётся. Сегодня как раз и наступил последний день этой недели. Следующая наступит через год.

– Странно всё это, – задумчиво произнёс Сесем.

– Странно, но мы к этому привыкли, – согласился Дедал.

– А что будет завтра? – спросил юноша.

– До двенадцати часов по полудни все люди должны покинуть территорию города. С теми, кто не успел это сделать, поступят, как с пленниками: кого-то возьмут в рабство, кого-то убьют, а кого-то съедят, – будничным голосом ответил Дедал.

– Что? – не поверил своим ушам Сесем. – Съедят?

– Да, – подтвердил мужчина, – съедят. Почему они одних просто убивают, а других зажаривают, как этих каплунов, никто не знает. Так повелось издревле, а они хранят свои обычаи. Свои мы, кстати, тоже храним, потому что хорошо знаем, что, если не будем хранить наши ценности, то рано или поздно вынуждены будем хранить чужие, но у нас никогда не зажаривали великанов. Как-то и в голову не приходило. Чаще всего пленные великаны становились рабами, но и то ненадолго. Если находится женщина, готовая взять пленника в мужа, то он становится свободным, и не было ещё случая, чтобы такой великан сбегал обратно на родину. Почему? Не знаю. Сами великаны неразговорчивы, и вытянуть из них хоть слово большая проблема.

Сплошная стена домов закончилась. Появились отдельно стоящие здания, окружённые высокими заборами, садами и огородами.

– Куда мы идём? – спросил Сесем.

– На постоянный двор. Их довольно много рядом с городскими воротами, но мы идём в тот, где я оставил своего коня.

– И ты не боишься, что его могут украсть?

– Исключено, – заверил Дедал. – Кроме того, что на этой неделе никто не имеет права не только воевать и ссориться, никто не обманывает и не ворует. Об этом специально не договаривались, но так уж повелось. До завтра опасаться нечего.

Сесем кивнул и молча продолжил путь.

Через полчаса подошли к большому трёхэтажному зданию, окружённому небольшим забором, вдоль которого располагались хозяйственные постройки. Во дворе было достаточно много людей, занимавшихся своими делами. Зайдя в ворота, Дедал попросил Сесема немного подождать и пошёл к длинному сараю. Через несколько минут вернулся, довольно потирая руки.

– Проведал коня, – объяснил Дедал. – Мы с ним неразлучны уже четыре года. За это время стали настоящими друзьями, и очень скучаем друг без друга. Да и как может быть иначе в этом жестоком мире, когда ты не знаешь, кто твой друг, а кто враг? – сокрушённо вздохнул мужчина.

– Я приехал сюда вчера утром, – продолжил он. – Мой

товар всегда пользуется большим спросом, и раскупается за несколько часов, поэтому нет нужды всю неделю торчать на торжище.

– О чём ты говоришь?

– Я привожу сюда волшебный корень окко, возвращающий человеку здоровье. Растёт он только в наших местах высоко в горах, и найти его очень трудно. Его поиском занимается мой брат, а я отвожу всё, что он находит, сюда. Денег, которые я выручаю, хватает на безбедную жизнь до следующего года. Вот так и живём. Брат собирает, а я продаю.

– А почему он сам не приехал?

– Он сборщик, а я – воин. Конь стоит дорого, и мы не можем потратить столько денег, чтобы купить второго коня. Да и зачем ему конь, если он большую часть своей жизни лазает по скалам? Каждый занимается своим делом, – объяснил Дедал.

Сесем кивнул и опять задумался.

– О чём думаешь? – спросил мужчина.

– Странно как-то чувствую себя, – задумчиво произнёс юноша. – Вроде бы ничего не знаю и не помню, а как только ты начинаешь рассказывать, оказывается, что знаю. Почему?

– Пойдём. Скоро наступит ночь, и надо успеть отдохнуть перед дальней дорогой. Я заплатил за комнату до завтрашнего утра. Там и для тебя найдётся место, – сказал Дедал, не ответив на вопрос, и направился к входной двери. Сесем последовал за ним.

Постоялый двор заметно отличался от тех зданий, которыми был застроен город. Этажей в нём было в два раза больше, чем в городских зданиях такой же высоты. Было очевидно, что он предназначен не для великанов, а для простых людей.

Сесем с Дедалом поднялись на второй этаж, прошли вдоль длинного общего коридора, и вошли в одну из комнат, вся мебель которой состояла из двух стульев, грубо отёсанного деревянного стола и двух тюфяков, лежащих прямо на полу. Сесем растерянно остановился, а Дедал вытащил принесённую еду и разложил на столе.

– Садись, – указал мужчина на один из стульев. – Утолим голод, и ляжем спать.

Юноша сел, и только тогда почувствовал, насколько сильно проголодался. Дедал разломал принесённые лепёшки, разлил вино в глиняные чашки, выпил и принялся за каплуна. Сесем сидел, о чём-то думая, и не притрагивался к еде.

– Почему не ешь? – спросил удивлённо Дедал.

– Я должен сначала что-то сделать, прежде чем приступить к еде. Обязательно. Но не помню, что, – растерянно ответил юноша.

– Может быть помыть руки перед едой? – с улыбкой предположил Дедал.

– Да! – радостно воскликнул Сесем. – Помыть руки. Именно это мне и надо сделать.

– Ну, вот, – рассмеялся Дедал. – Я оказался прав. Ты –

необычный.

– С чего ты взял?

– Только необычные моют руки перед едой. На Рее не так много воды, чтобы тратить её на такие пустяки, – объяснил Дедал, обгладывая крылышко каплуна. – В иных местах вода дороже золота. Да что там золота! Дороже жизни! Поэтому мы не можем себе позволить тратить воду попусту. Выпей-ка лучше вина, и ты забудешь об этой глупости, – посоветовал мужчина.

Сесем выпил приятную на вкус чуть обжигающую жидкость, и почувствовал, как тепло радостной волной разливается по телу. Через секунду он действительно совершенно забыл о том, что надо мыть руки, и с жадностью принялся за еду. Дедал постоянно наполнял чашки вином, не переставая жевать. Сесем следовал его примеру.

– Слава всевышнему за эту прекрасную трапезу, – произнёс Дедал, проглотив последний кусок.

– Кого ты называешь всевышним? – спросил Сесем, вытирая замасленные руки холстиной, в которую была завёрнута еда.

– Не знаю, – простодушно ответил Дедал. – Все говорят, и я говорю. Может быть, того, кто присылает вас зачем-то сюда. А может, и кого-то другого. Не знаю, да и знать не хочу. Скажи-ка мне лучше, куда ты собираешься идти дальше, если не секрет.

– Не знаю, да и знать не хочу, – повторил юноша слова

Дедала и засмеялся.

– В любом случае запомни, что тебе надо завтра до полудня покинуть этот город несмотря на то, что ты – необычный. Наши мудрецы говорят, что лучше избегать неприятностей, чем искать их. У тебя нет коня и тебе придётся путешествовать пешком, поэтому тебе надо как следует отдохнуть, а я уеду ещё до наступления полуночи, так что мы больше не увидимся.

– Почему? – огорчённо спросил Сесем.

– Действие перемирия заканчиваются в полночь, поэтому все воины должны до наступления этого срока покинуть город. Да и не только в этом дело. На меня могут напасть разбойники, и отобрать всю выручку. И вряд ли тогда поможет городская стража. Даже если стражники и застукают грабителей на месте преступления, всё награбленное заберут себе. Я не могу так рисковать, потому что от того, привезу я деньги или нет, зависит не только моя жизнь, но и жизнь брата и всей его семьи, – сказал Дедал, укладываясь на тюфяк.

– А как же остальные? – спросил юноша.

– Остальным даётся время до полудня, чтобы беспрепятственно уйти. Не забудь это! – объяснил Дедал, и повернувшись к стене, тут же захрапел.

Юноша посидел ещё какое-то время, глядя на темнеющее небо и решил последовать совету Дедала.

Глава 3

Утром Сесем проснулся от чувства сильной тревоги, вско-

чил на ноги и тут же вспомнил вчерашнее предупреждение. Взглянул в окно и понял, что проспал. День давно наступил, но сколько сейчас времени не знал. Выскочил в совершенно пустынный коридор, затем на улицу, и побежал к выходу из города. До открытых ворот оставалось не более двухсот метров, когда раздался звон башенных часов. Интуитивно почувствовал, что наступает полдень, но, увидев, что творится впереди, понял, что проскочить в открытые ворота не успеет. Пытаясь в спешке выбраться за пределы города, перед самыми воротами сцепились колёсами две большие телеги, наглухо загородив проход. Возницы яростно хлестали лошадей, но телеги ещё больше сцеплялись, и надежды на то, что они расцепятся, не было никакой. Проход был полностью перекрыт. По бокам ворот стояли два великана в доспехах с плетью в руках и злорадно улыбались. Сесем остановился как раз в тот момент, когда раздался последний удар курантов. Теперь и эти торговцы, и он сам, становились добычей великанов. Сесем это помнил, но о себе не думал. Оглянувшись вокруг и увидел рядом с воротами довольно много зевак-великанов, собравшихся на последнее в этом году представление. Они знали, что будет с теми, кто не успеет покинуть город, и заключали пари, пытаясь угадать точную судьбу этих несчастных реян: кого из них убьют, кого возьмут в рабство, а кого зажарят. Недолгие наблюдения Сесема прервал отчаянный крик одного из реян-торговцев. Великан-стражник схватил его как котёнка, поднял на вытянутой левой руке и злорад-

но загоготал. Злобный хохот тут же подхватили собравшиеся сородичи. Они потешались над извивающимся и пытавшимся вырваться пленником, а стражник поворачивался из стороны в сторону, демонстрируя жертву. Возмущение Сесема достигло предела и он, не думая о последствиях, что есть силы закричал:

– Оставь его в покое, чудовище!

Крик был настолько силён, что его услышали все, включая стражника. Наступила гробовая тишина. От неожиданности все замерли на несколько секунд, даже пленник, и только стражник, наливаясь яростью, стал искать взглядом того, кто посмел прервать это представление. Увидев Сесема, понял, что это именно он, отпустил пленника, и сделал несколько шагов в его сторону. Затем взмахнул плёткой и с силой ударил. Юноша инстинктивно поднял левую руку, защищаясь от удара, и тут произошло нечто, чего никто не ожидал. Едва плеть коснулась руки Сесема, раздался громкий хлопок. Конец гигантской плети взорвался, и она начала искриться и гореть, подобно бенгальскому огню. Стражник, несколько мгновений пребывавший в оцепенении, опомнился и стал хлестать плёткой по земле, пытаясь сбить огонь, но ничего не получалось. Попробовал избавиться от самой плети, но и тут потерпел неудачу. Плеть будто срослась с рукой. Видя, что все его попытки тщетны, великан завыл. Завыл от страха и безысходности, и этот вой тут же подхватили сородичи. Между тем огонь добрался до рукоятки и начал пожирать её

с удивительной скоростью. У стражника от ужаса пропал голос и он, вытянув руку вперёд, обречённо смотрел, как огонь подбирается к его руке. В это время из здания, служившего казармой для стражников, выскочил ещё один гигант. Увидев происходящее, выхватил огромный кривой меч и одним ударом отсёк кисть вытянутой руки. Из культи с небольшой задержкой хлынула кровь. Гигант подскочил к ничего не понимающему стражнику, схватил культю и перетянул тонким кожаным ремешком, остановив кровотечение, а затем указал на валявшуюся на земле отрубленную кисть, которую пожирал безжалостный огонь. Как только улеглось первое волнение, гигант повернулся к Сесему, поклонился до земли и смиренно произнёс:

– Прости нас, необычный. Мы не хотели причинить тебе зла.

Услышав эти слова, все находившиеся на площади великаны, все, как один, рухнули на колени. Сесем кивнул головой в знак прощения и потребовал:

– Расцепите телеги и отпустите торговцев!

Его приказ исполнили, и освобождённые пленники тут же устремились прочь из города, нахлёстывая лошадей. За ними последовал и Сесем. Проходя мимо безрукого стражника, остановился, посмотрел на его страдающее лицо и подошёл.

– Пусть отныне первым твоим именем Учин будет имя Добрый, – прочитав имя стражника на шлеме, сказал Сесем. Коснулся браслетом отрубленной руки и повторил:

– Пусть отныне тебя будут называть Добрый Учин. Не делай никому зла! – сказал Сесем, и тут же рука несчастного стала отрастать. Прямо на глазах. Через минуту она стала такой же, как и прежде. Изумление и радость Доброго Учина были настолько велики, что слёзы брызнули из его глаз, и он в знак благодарности рухнул на колени. Сесем опустил руку и пошёл через ворота. Почему он поступал так, а не иначе, и как у него всё это получалось, не задумывался, также как человек не задумывается над тем, почему он дышит или видит. Это было его естеством. Вот и все объяснения. Благоговейная тишина сопровождала его путешествие до тех пор, пока стены города великанов не скрылись за горизонтом. Молчали не только оставленные в страхе и изумлении великаны, но и сама природа. Молчал и Сесем. Он ощущал, что сделал что-то хорошее, и радость от этого поступка окрыляла его.

Глава 4

Царившую тишину нарушил шум внезапно поднявшегося ветра. Сесем очнулся от раздумий и увидел, что идёт посреди степи по ровной грунтовой дороге, в пыли которой чётко выделялись следы недавно проехавших телег. По ним и решил следовать юноша, увидев на горизонте контуры леса. Неопытный путешественник порой поддаётся оптическому обману, считая, что расстояние до того, что он увидел на горизонте, совсем невелико. На деле же очень часто оказывается, что для того, чтобы добраться до этого места, требуется потратить гораздо больше сил и времени, чем казалось вна-

чале. Так же произошло и с Сесемом. Только ближе к вечеру он сумел дойти до опушки, изрядно устав и проголодавшись. Дорога следовала дальше в лес, и юноша, не задумываясь, углубился в чащу. Стена деревьев вдоль дороги была настолько плотной, что казалась непроходимой. Свободного пространства между ними не было вообще. Оно заросло густым кустарником и свернуть с дороги было невозможно, но Сесема это не смущало. Он и не думал никуда сворачивать. Единственное, что его сейчас действительно волновало, так это желание как можно быстрее добраться до какого-нибудь жилища, утолить голод и устроиться на ночлег. Да и куда идти он не знал, поэтому шёл прямо. Сумерки сгущались. Сесем стал подумывать о том, что придётся заночевать в лесу, но тут появилось ответвление. Исследовав его, Сесем увидел отчётливые следы колёс недавно проехавшей телеги. Предполагая, что эти следы принадлежат одной из телег, застрявших в воротах города великанов, Сесем свернул с главной дороги и пошёл по ним. Через сотню метров лес стал редеть, и он вышел на огромную поляну, посредине которой стоял большой двухэтажный сруб, огороженный высоким частоколом. Большую часть поляны занимал огород, на котором росли ещё не собранные хозяином овощи. Прямо перед огородом расположился небольшой яблоневый сад. Плоды ещё не спели и своей тяжестью склоняли ветви деревьев почти до земли. Сесем подошёл к воротам и громко постучал. Доносившейся за частоколом шум тут же смолк. Юноша посту-

чал ещё раз. Наконец, приоткрылось окошко, прорубленное в воротах, и показалась знакомое лицо. Это был тот самый торговец, которого он спас сегодня утром. Сесем облегчённо подумал, что ему очень повезло, и теперь-то он сможет и голод утолить, и переночевать, но взгляд торговца ничего кроме неподдельного страха не выражал. Он с ужасом смотрел на Сесема, не произнося ни слова.

– Как тебя зовут, хозяин? – спросил Сесем.

– Моё имя Фрам, господин, – заикаясь ответил торговец.

– Ты помнишь меня, Фрам? – поинтересовался юноша.

– Я не забуду вас до конца жизни, господин, – трепеща от страха ответил Драм.

– Я устал и хочу есть, – сказал Сесем, обращаясь к торговцу, но тот молчал.

Юноше показалось, что торговец его не понял, и он уточнил:

– Я прошу у тебя ночлега на сегодняшнюю ночь и какой-нибудь еды, потому что я устал и голоден.

– Я бедный человек, господин, – слезливо взмолился Фрам. Затем открыл ворота, обернулся к дому, и позвал:

– Эй! Эй! Все идите сюда!

Из разных дверей дома и хозяйственных построек тут же высыпало с полтора десятка реян, детей и взрослых. Они гурьбой встали за хозяином и с таким же ужасом молча смотрели на Сесема.

– Посмотри на них, господин, – прервал молчание Фрам. –

Их всех нужно кормить. Всех! Каждый день! Я не могу нанять себе работника, потому что мне его нечем будет кормить. Каждый год мы начинаем голодать уже весной, хотя всю зиму экономим и живём впроголодь. Дети подрастают и им нужно всё больше еды. Сжался над нами, господин. У нас каждая крошка на счету.

– Успокойся Фрам, – улыбнулся Сесем. – У меня не было намерения объедать тебя и твою семью. Я тебе заплачу. И за ночлег, и за еду, – добавил он, протянул руку к кошелью, но ничего не обнаружил. Недоуменно опустил взгляд и только тут увидел, что кошелья нет. Обследовав кожаный пояс, подпоясывавший рубаху, понял, что его аккуратно срезали. В памяти невольно всплыл странный вопрос Ахмета: «Зачем необычному деньги?», на который тогда не обратил внимания, и всё понял. Размышлений по поводу того, кто это мог сделать, не было. Только Дедал.

Первый раз в жизни Сесем столкнулся не только с воровством, но и с предательством. Почему с предательством? Потому что полностью доверял своему первому знакомому в этом мире. Вот почему! Хотя он и не подозревал, что просто не умеет не доверять. Чувства, которые сейчас испытывал юноша, были необычны. Ему необходимо было время, чтобы разобраться в них, но, если как-то можно их описать одним словом, то трудно найти более лучшее определение, чем растерянность. Именно растерянность прочитал в глазах необычного торговец, глядя на Сесема.

– У меня украли деньги, Фрам, – приглушённым голосом произнёс юноша.

– Мне очень жаль, господин, что с вами случилось такое несчастье, но я ничем не могу вам помочь. Я не забыл, что вы спасли мне жизнь, но мы бедны, и я ничем не могу вам помочь, – повторил торговец.

– Может ты позволишь сорвать яблоко в твоём саду? – с надеждой в голосе спросил Сесем.

– У нас каждая кроха на счету, господин, – ответил неумолимый хозяин.

Поняв, что он нежеланный гость, Сесем, прежде чем уйти, задал Фраму ещё один вопрос:

– Как далеко отсюда ближайшее жилище?

– Далеко, господин. Если пешком, как путешествуешь ты, то до ближайшего двора не меньше трёх дней пути. Рядом с дорогой находится харчевня. Бесплатно тебя и там не покормят, но у хозяина, горбуна Латифа, всегда есть работа. Если согласишься, то тебе придётся задержаться у него на некоторое время, чтобы заработать на еду и подкрепить силы. Не держи на нас зла, господин! – сказал на прощание Фрам и, закрывая ворота, добавил:

– Лучше тебе переночевать в лесу, господин! До выхода из леса не так далеко, но почти сразу начинается пустыня. Странная пустыня. Там день и ночь сменяют друг друга, когда захотят. Бывает такое, что в пустыне наступает ночь, когда вокруг – день. Там случаются такие ливни, о которых

мы здесь даже и не слышали, но никогда и ничего не растёт. Там водятся хищники, которых никто никогда не видел. Это трудный переход, и тебе понадобится много сил. Не сворачивай никуда и не смотри по сторонам. Как только зайдёшь в пустыню, появятся миражи, которые будут искажать мир, и заманивать тебя в сторону от дороги. Опусть взгляд и иди прямо по ней, иначе заблудишься и пропадёшь.

– А почему ты говоришь о хищниках, если их никто и никогда не видел? – спросил Сесем.

– Потому что там пропадают люди и животные. И если погибает один из путешественников, неважно, человек или животное, то погибает весь караван. Где на них нападают? Кто? Как они встречают свою смерть? Этого никто не знает, потому что погибают все и некому рассказать. Песок выносит их кости на дорогу. Как будто выплёвывает. Или как это делают морские волны. Лучше с ними не встречаться, господин. Даже если ты – необычный, – угрюмо сказал Фрам.

– А можно как-нибудь обойти эту пустыню? – спросил Сесем, вспомнив слова Дедала, о том, что лучше избегать опасности, чем искать её.

– Другой дороги нет, – ответил торговец и закрыл ворота. Услышанное не очень обеспокоило Сесема, но подумать и как-то подготовиться к опасному переходу, конечно, стоило. Но потом. Сейчас надо было найти место для ночлега. Юноша устал и прежде всего ему был необходим отдых. Осмотревшись, решил устроится на небольшой поляне, ко-

торуую увидел сквозь редкий лес на противоположной стороне, недалеко от огорода, и пошёл туда. Углубляться в лес не хотел, опасаясь заблудиться.

Обиды на неблагодарного Фрама, отказавшего в еде и ночлеге не было, как не было и мыслей, почему он так поступил. Поступил и поступил. Может неблагодарность была одной из тех ценностей, которые так берегли в этом мире? Ему-то что? А разве Дедал поступил намного лучше? Это – их жизнь!

Обогнув огород, Сесем вышел на поляну, отыскал подходящее место и улёгся на мягкую, как ковёр, траву. Уставшее тело приятно заныло. Верхушки деревьев мерно покачивал небольшой ветер, и он невольно вспомнил о том, что с ним случилось за эти два дня, ведь хочешь не хочешь, а это был его первый жизненный опыт. Погрузившись в воспоминания, не заметил, как наступила ночь и небо усыпалось необычно крупными, как вишни, звёздами. Как только стало немного прохладно, его тут же будто накрыло тёплым покрывалом, и, залюбовавшись волшебной картиной ночного неба, он уснул.

Проснулся от грозного рыка, раздавшегося рядом с ним, открыл глаза и увидел оскаленную тигриную пасть, обращённую к лесу. Проследив взглядом, обнаружил, что тигр лежит прямо на нём, но тяжести зверя почему-то не чувствовал. Страх тоже. Приподнял голову и посмотрел в ту же сторону, куда смотрел зверь. Метрах в двадцати увидел группу

каких— то животных, то ли волков, то ли гиен, в предрассветном сумраке не разобрать. Хищники повизгивали от нетерпения, злобно рыкали, подбадривая друг друга, и явно хотели напасть на Сесема, но, как на стену, наталкивались на страх перед огромным тигром. Повернув голову влево, юноша увидел ещё одну группу хищников, и среди них, о ужас, Фрама. Того самого Фрама, которого он спас вчера утром. Не было сомнения в том, что именно он привёл сюда этих хищников. Не было также сомнения и в том, что именно он — главарь этой шайки.

«Да что ж у них за обычаи такие?» — мысленно возмутился Сесем и вскочил на ноги. Тигр, приняв это, как сигнал к нападению, бросился на окружившую их стаю, которая тут же, поджав хвосты, с визгом исчезла в лесу. Тигр начал преследование, не обратив внимания на Фрама.

Торговец остался один. Неожиданный исход этого разбойного нападения так перепугал Фрама, что он остолбенел. Его можно было принять за безжизненную статую, если бы не вытаращенные бегающие туда-сюда от страха глаза. Так продолжалось до тех пор, пока Сесем не пошёл к торговцу. Только тогда негодяй опомнился, упал на колени и взмолился:

— Пощади меня, господин, — взывал сквозь слёзы лесной разбойник.

— Что я тебе сделал, Фрам? — сдерживая гнев, спросил юноша. — Почему ты хочешь моей смерти?

— Этот лес принадлежит мне, господин, и только мне, и

все, кто задерживается в моём лесу, становятся моими врагами. Я должен сделать всё, чтобы избавиться от пришельца.

– Даже убить? – с осуждением спросил юноша.

– Не я это придумал, господин, – продолжил оправдываться Фрам.

– Почему, в таком случае, ты называешь меня господином? – не унимался Сесем.

– Я не знаю, как называть тебя иначе. Ты спас мне жизнь, и по нашим законам ты должен быть моим господином, а я – твоим рабом. Ты должен был объявить об этом вслух, но ты не сделал этого, поэтому я не знаю, как мне к тебе относиться, и как тебя называть.

– То есть, если я скажу вслух, что ты – мой раб, ты будешь моим рабом? – удивлённо спросил юноша.

– Да, господин, – смиренно ответил Фрам.

– И ты не будешь желать мне зла?

– Не буду, господин!

– И будешь делать всё, что я тебе скажу?

– Да, господин!

– Ты – мой раб! – провозгласил Сесем.

– Слушаюсь, мой господин! – смиренно произнёс Фрам и склонил голову до земли.

– Что за зверей ты привёл с собой?

– Это – пруги. Они живут здесь с незапамятных времён. В голодное время года я их подкармливаю, как это делали до меня все предки и не даю умереть с голода, а они охраняют

лес от незваных гостей. Если бы не они, то меня и мою семью давным-давно бы убили или взяли в рабство.

– Сорви самое большое яблоко в твоём саду и принеси мне, – приказал юноша.

– Слушаюсь, мой господин, – ответил торговец, поднялся с колен и пошёл в сторону сада. Через минуту вернулся с яблоком в руках и молчаливо протянул его Сесему. Юноша взял яблоко, понюхал его, опустил в пустую холщовую сумку, висевшую на боку, повернулся, и, не сказав ни слова, пошёл прочь.

– Ты куда, мой господин? – спросил удивлённый торговец.

– Ухожу, – коротко ответил Сесем.

– А что прикажешь делать мне?

– Живи, как и жил, но не забывай, что ты – мой раб. И дети, и внуки твои будут моими рабами! Не забудешь? – остановившись, спросил юноша.

– Никогда! – обречённо ответил Фрам.

Глава 5

Сесему не было жаль покидать «радушного» хозяина, гостеприимство которого не имело границ. Чего вдруг? Даже при сильном желании невозможно испытывать тёплые чувства к человеку, который только что хотел тебя убить. Проходя мимо дома, сделал вид, что не заметил прятавшихся за забором домочадцев, со страхом и волнением наблюдавших за этой сценой. Не до них. Он, конечно, не собирался обращать их в рабов, но, получив ещё один жизненный опыт, ре-

шил обезопасить себя на будущее. Кто знает, что готовит ему судьба? А что, если ему придётся когда-нибудь вновь оказаться в этих местах? Теперь-то он может быть уверен, что никто здесь не посмеет желать ему зла. Может быть. А может и посмеет.

Выйдя на дорогу, свернул в сторону пустыни, и зашагал, наслаждаясь лесной прохладой. День только просыпался, и вместе с ним просыпался лес. Гомон птиц, треск сучьев, ломаемых под ногами зверей, чьё-то грозное рычание и множество других разнообразных звуков наполнили пространство. Сесем шёл, не обращая никакого внимания на ожившую природу. Он шёл и думал. Совсем не о Фраме. С торговцем всё было понятно, а вот с Дедалом нет. Именно о нём думал сейчас юноша. Вопрос «почему он украл деньги?» всё больше и больше завладевал им. Он был озадачен и не мог найти на него ответа. Так и родилась цель путешествия. Надо найти Дедала. Найти и выяснить, почему он украл деньги. Этот поступок можно было бы понять и оправдать, если бы он голодал, но это было не так. Почему же тогда он украл? А что значат слова Ахмета «Зачем необычному деньги?»? Что за ними кроется? Эти размышления настолько увлекли юношу, что не заметил, как вышел на опушку. Лес закончился. Впереди простиралась небольшая степная полоса, покрытая густой травой. За ней, метрах в пятистах начиналась пустыня. Сесем, не задерживаясь, пошёл по дороге, считая, что не стоит попусту терять время, но, подойдя к началу песков,

остановился. Его удивил необычно чёткий переход от степного ландшафта к пустынному. Будто бы кто-то отрезал ножом степь и аккуратно насыпал песок. Но не только это насторожило юношу. В подсознании родилось чувство опасности, которое по мере приближения к пустыне усиливалось. Сесем понял, что предупреждения Фрама имели под собой основания. Какие? «А вот пойдём и узнаем!» – подумал юноша и решительно пошёл по пустыне.

Четверть часа удавалось сдерживать себя, идти и смотреть только на дорогу, не поднимая взгляда. Ничего не происходило. Сесем устал от постоянного напряжения. Желание поднять взгляд и посмотреть по сторонам становилось навязчивым и неотступным. Он забыл обо всём и думал только о том, чтобы не поднимать головы, но первоначальная решимость куда-то уходила. Её место занимали мысли, что ничего страшного не будет, если он лишь на секунду поднимет взгляд; что Фрам преувеличивал и рассказывал небылицы, потому что никто никогда ничего сам не видел, и все эти кости, разбросанные по дороге, не более как фантазии разогретых под палящим солнцем голов и т.д.. Он не заметил, как решимость не поднимать головы постепенно становилась решимостью поднять. Не выдержав напряжения, Сесем сдался, поднял голову, но вопреки ожиданиям, ничего не случилось. Пустыня как пустыня. Он не помнил о пустынях ничего, но незнакомой она почему-то не казалась. Песок и барханы. Без конца и края. Унылый пейзаж. Вот и всё. Солнце

ещё не достигло зенита и было не очень жарко, но пот уже начал покрывать тело юноши. Всё было бы ничего, даже голод, который нет-нет, да и напоминал о себе, если бы не усиливающееся чувство жажды. Во рту пересохло и это мешало идти. Сесем достал из сумки яблоко, поднёс к носу, глубоко вдохнул и ароматный запах тут же вызвал обильную слюну. Хотел откусить, но передумал. Сколько еще идти? Кто знает? Вернул яблоко на место, поднял голову и увидел метрах в двадцати от дороги девушку, удаляющуюся в глубь пустыни. Удивился, что не заметил её раньше, но тут же испугался за неё и закричал:

– Девушка! Девушка! Остановись! Не ходи туда! Там опасно!

Девушка остановилась, обернулась, и с любопытством посмотрела на Сесема. Ничего странного в ней не было. Обычная симпатичная девушка. Она улыбнулась и спросила:

– Почему?

– Ты не знаешь? Все знают, а ты не знаешь? – искренне удивился юноша.

– Что я должна знать? О какой опасности ты говоришь, господин? – непонимающе переспросила девушка.

– Нельзя сходить с дороги. Это опасно. Разве тебе не известно об этом? – удивился Сесем, не обратив внимания на то, что она почему-то назвала его господином.

– Нет, – искренне удивилась девушка. – Я всю жизнь прожила в этой пустыне и никакой опасности до сих пор не

встречала. Это – досужие сплетни. Люди так любят придумывать разные сказки. Неужели ты не знаешь об этом? Видишь – я стою здесь и со мной ничего не происходит. Подойди, и сам убедишься, что я говорю правду.

Этот искренне звенящий голос и успокаивающая радостная улыбка совершенно затуманили разум Сесема. Он потерял способность трезво рассуждать, иначе обратил бы внимание на несуразность того, о чём говорила девушка. О какой жизни в пустыне может идти речь? Как можно выжить под солнцем и не изжариться в таком платье без рукавов? Как можно избежать солнечного удара, когда твоя голова не покрыта платком? Но Сесем совершенно не думал об этом. Он, как замороженный, пошёл к девушке. Шёл, а девушка почему-то не приближалась, оставаясь на том же расстоянии, хотя не двигалась с места. Опомнился только тогда, когда почувствовал, что идти стало трудней. Посмотрел вниз и обнаружил, что ноги до колен покрывал песок, который с каждым шагом то спадал вниз, но возвращался, рывками поднимаясь всё выше по ногам и не давая идти. Приблизиться вплотную к телу песку не давала какая-то невидимая прослойка, которая мешала ему подниматься. Между этой невидимой защитой и песком происходила постоянная борьба. Голубые вспышки разрядов вспыхивали, когда песок хотел проникнуть под брюки и коснуться тела. Сесем опомнился, остановился, и вдруг со зрением произошла удивительная перемена. Оно многократно увеличило окружающие предметы и

Сесем смог увидеть, что представляет из себя песок. На самом деле это был не песок. Это были миллионы маленьких существ, внешне очень похожих на человека, с той лишь разницей, что у них было четыре руки, вместо пальцев что-то похожее на иглы и когти, неестественно большой рот-присоска, и на месте лба, сразу над глазами, находилось что-то, отдалённо напоминающее солнечную панель. Эта армада и поднималась по ногам Сесема. Юноша возмутился и тут же заметил, что у отделяющей тело от песка защиты появились видимые контуры и более сильные разряды мгновенно разбросали уже забравшихся на ноги существ. Он видел, что, прикасаясь к защите, они взрываются как маленькие бомбы. Сесем поднял голову и обнаружил, что девушка исчезла. На её месте стал вырастать бурлящий бархан, и вся пустыня превратилась в волнующееся море песка. Юноша почувствовал реальную опасность и поспешил вернуться на дорогу. Взглянул туда, где до этого была девушка, и вновь увидел её. Взгляд девушки излучал разочарование:

– Куда же ты ушёл, господин? Нам так хорошо было вместе.

Сесем хотел ответить, но одумался. Какой смысл разговаривать с миражом? Отвернулся, пошёл в сторону дороги, и тут же неожиданно резко стемнело. Почувствовав опасность, обернулся и обомлел – закрыв солнце в небо поднялся огромный, бурлящий и крутящийся вокруг своей оси, шар песка, похожий на смерч, с очень узким основанием, опирав-

шимся на пустыню. Решение пришло спонтанно и мгновенно. Юноша сосредоточил взгляд на основании смерча, вытянул вперёд левую руку, и, вырвавшийся из браслета слепящий разряд молнии ударил именно туда. Оглушающий грохот перешёл в не менее громкий стон. Шар прекратил вращение, завис на мгновение в воздухе, стал распадаться и бесшумно рухнул вниз. От падения, подобно цунами, поднялась огромная волна песка, которая навалилась на юношу, подхватила его и выкинула на дорогу. Падение смягчил сам песок, который тут же, как вода с возвышенности, стал стекать с дороги. Но это, конечно, была не вода. Сесем увидел, как люди-песчинки, подпрыгивая, панически убегали, будто им кто-то поджаривал пятки. Эта комичная картина так развеселила, что он громко захохотал. Люди-песчинки слышали смех, оборачивались, но ничего не могли поделать, и неслись прочь с дороги.

Сесем наблюдал до тех пор, пока дорога полностью не освободилась. Удостоверившись, что путь очистился, поднялся на ноги, подошёл к краю дороги, вытянул вперёд левую руку, и новый разряд энергии ударил в край пустыни. Оглушающий стон всколыхнул воздух. Песок отхлынул от дороги, и юноша увидел, что её край перпендикулярно уходит вниз. Приблизился, желая узнать, где находится её основание, но песок мгновенно вернулся на место. Сесем хотел ещё раз разрядом энергии ударить в край пустыни, но не смог этого сделать. Напряг волю, чтобы добиться своего,

но рука словно приросла к телу. С растерянностью посмотрел на обездвиженную руку, и вздрогнул, услышав возглас: «Остановись!». Поднял взгляд и увидел мужчину, стоявшего в нескольких метрах от него. Мужчина был хорошо знаком, но юноша не мог вспомнить ни его имени, ни откуда он его знает.

– Остановись, Сесем! – повторил мужчина. – Нельзя давать волю гневу, и использовать дарованную тебе силу во зло.

– Кто ты? – спросил юноша.

– Твой отец.

– Отец?

– Да.

– Мне знакомо твоё лицо, но я не могу вспомнить, кто ты. Если ты – мой отец, тогда может быть объяснишь, что со мной происходит? Почему я оказался здесь? Почему я одновременно помню что-то и не помню? Что это за браслет, и откуда эти молнии? Почему, наконец, меня боятся и называют необычным?

– Именно поэтому я вынужден был нарушить установленные правила и связаться с тобой. То, что случилось с твоей памятью, большая редкость. Мы считали, что полностью овладели технологией перемещения во времени и пространстве, но твой случай опроверг нашу уверенность. У тебя произошло разобщение памяти. Она перестала быть единым целым, и сейчас представляет из себя как бы отдельные пере-

мешанные пазлы. В причинах мы пока не разобрались. Я в общих чертах расскажу тебе обо всём, что тебя интересует. Может это поможет тебе как-то собрать воедино твою память. А может и нет. Но попробовать всё равно стоит, потому что пока мы ничего лучшего не придумали. Итак, слушай.

Начнём с имени. Зовут тебя Сесем. Твоё имя состоит из двух имён – твоего и моего. Мама очень хотела назвать нашего сына в мою честь, поэтому тебя, как и меня, называли Семёном. У всех детей на Земле имя складывается из двух первых слогов имён отцов и детей, и остаётся таким до тех пор, пока они не обретут самостоятельность. То есть, наличие части моего имени в твоём означает, что ты ещё не готов к самостоятельной жизни и находишься под моим присмотром. Как только обретёшь самостоятельность, ты станешь Семёном и сможешь вернуться домой.

– А когда это случиться, и где мой дом?

– Твой дом – Земля, а вернуться ты сможешь только тогда, когда сделаешь окончательный выбор. У нас не так много времени Сесем, поэтому не перебивай и слушай.

Люди всю свою историю провели в войнах, истребляя друг друга. Так продолжалось до тех пор, пока не появилось оружие, способное уничтожить всё живое на Земле. Только тогда они задумались о том, что является главной причиной этих войн, и пришли к выводу, что она состоит в безудержном стремлении очень небольшой части человечества к обладанию всеми материальными благами. Нашим пред-

кам хватило мудрости и мужества отказаться от этого. Они сумели непредвзято пересмотреть принятые почти во всём мире жизненные ценности и поняли, что материальные блага ничего не стоят по сравнению с духовными. Процесс переосмысления ценностей и перевоспитания проходил очень тяжело. Было совершено немало ошибок, но в конечном счёте люди поняли, что человека нельзя насильно заставить быть добрым и служить другим людям. Он должен стать таким сам. Не суть важно, придёт ли он к этому под давлением каких-то жизненных обстоятельств, или таким родится, но только самостоятельное стремление к чистоте души приводит, в конечном счёте, к тому, что она закаляется и даже под угрозой телесной смерти становится неспособна на зло. Стопроцентной чистоты достигать никогда не получалось и не получается до сих пор, но и того, что удаётся достигнуть, как выяснилось в последствии, вполне хватает, чтобы открылись новые качества души. Мы узнали, что чистая душа настолько сильна и обладает такими способностями, что может перемещать человека и в пространстве, и во времени. Надо только точно знать, куда ты хочешь попасть, и захотеть этого. Твоя душа тоже обладает такими качествами, но ещё не так крепка, чтобы не попасть под влияние каких-то обстоятельств или твоих страстей, поэтому мне пришлось помочь тебе перенестись в этот мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.